

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РОССИИ

М. М. Блиев

Изучение истории взаимоотношений народов Кавказа с Россией остается актуальной проблемой исторической науки. Одним из спорных ее аспектов является вопрос о времени присоединения народов Северного Кавказа к России, от успешного решения которого во многом зависит дальнейшее исследование проблемы в целом. При этом мы исходим из того, что этот вопрос следует рассматривать не как простое уточнение хронологических рамок, а как концепционный, связанный с различным пониманием истории русско-кавказских отношений. Именно это обстоятельство главным образом и обуславливает разноречивые высказывания историков. В результате в советском кавказоведении по одному и тому же сюжету — времени вхождения Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии в состав России — вопросу, казалось бы, чисто фактического характера — «существуют» взаимно исключаящие точки зрения. Об этом свидетельствует литература послевоенных лет по данной проблеме. Обзор этой литературы лучше всего дать по отдельным районам Северного Кавказа, так как вхождение каждого из них в состав России является, как правило, самостоятельным аспектом исследования.

Начнем с Карачаево-Черкесии, где в изучении русско-кавказских отношений наряду с определенными успехами особенно типична крайняя противоречивость суждений. В 1956 г. здесь была издана монография В. П. Невской, содержащая первую попытку осветить вопрос о вхождении черкесов, абазин и ногайцев в состав России. Присоединение Черкесии, рассматриваемое автором как «происходившее в форме завоевания в условиях острой классовой борьбы внутри черкесских племен»¹, В. П. Невская связывала с двумя основными событиями: Адрианопольским договором 1829 г. между Турцией и Россией, согласно которому к последней отходили земли в северном и западном направлении от демаркационной линии и побережье Черного моря, от истока Кубани до порта св. Николая; административно-территориальными мерами, в последующем осуществленными царизмом на Западном Кавказе². Примечательно то, что включение Черкесии в состав России (хронологически отнесенное к 1829 г.) и борьба горцев против колониальной политики царизма освещаются у В. П. Невской как единое по характеру и значению явление, свидетельствующее якобы о том, что присоединение Черкесии к России произошло «в значительной степени помимо воли местного населения»³.

В 1957 г. в Черкесске была опубликована еще одна книга, посвя-

¹ В. П. Невская. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск. 1956, стр. 3.

² Там же, стр. 66—67.

³ Там же, стр. 4.

щенная той же теме. Ее авторы — Е. П. Алексеева, И. Х. Калмыков и В. П. Невская, — ставя вопрос о присоединении Черкесии к России, решают его уже совершенно по-новому, перенося нас в другую историческую эпоху — к событиям XVI века. Описывая ирано-турецкую агрессию и набеги крымского хана на Северный Кавказ, они указывают, что еще во второй половине XVI в. черкесы, абазины и кабардинцы, «не будучи в силах самостоятельно сбросить с себя крымско-турецкое иго... обратились за помощью к своему естественному союзнику — русскому народу»⁴. Особое внимание в книге уделено «черкасскому» посольству 1552 г. в Москву, впервые поставившему перед правительством Ивана IV вопрос о вхождении «черкасских» племен в состав Русского государства и совместной борьбе против Турции, Ирана и Крыма; русско-черкесским переговорам в Москве 1555 г., когда «били челом князи черкасские ото всей земли Черкасские, чтобы государь их пожаловал, дал им помочь Турьского города и на Азов и на иные города, и на крымского царя, а они холопи царя и великого князя и с женами и с детьми во веки»; миссии известного посольства «кабардинских князей Темрюка Тазрюта и других» 1557 года. «Результатом трех посольств 1552, 1555 и 1557 годов, — пишут авторы, — было добровольное присоединение Черкесии и Кабарды к России»⁵. В монографии, кроме того, были приведены данные (в частности, сообщения турецкого автора XVII в. Эвлии Челеби), свидетельствующие о том, что народы, жившие к северу от Эльбруса, то есть карачаевцы и балкарцы, также «подчинились московскому королю». Общий вывод авторов заключался в следующем: «В середине XVI в. черкесы, абазины, карачаевцы, кабардинцы и балкарцы, жившие в Черкесии и Кабарде, и ногайцы, кочевавшие по Волге, приняли русское подданство, и русский царь стал официально называться государем кабардинских, горских, черкасских князей, ногайских, абазинских и иных народов»⁶.

Так при одних и тех же исходных данных историки пришли к крайне противоположным выводам — вначале о насильственном захвате Россией Черкесии в 1829 г., затем — о добровольном присоединении ее к Русскому государству в 1557 году.

В 1967 г. увидел свет новый обобщающий труд по истории Карачаево-Черкесии⁷. Можно было ожидать, что в книге будут учтены результаты ранее проведенных исследований о Черкесии и Карачае. Однако автор специального раздела книги — «Включение Карачая и Черкесии в состав России» — С. А. Чекменов, по существу, высказал иную, нежели его предшественники, концепцию. Он считает, что присоединение Карачая к России следует связать с походом генерала Емануеля и сражением, которое произошло между русским отрядом и карачаевцами 20 октября 1828 года. Особое значение С. А. Чекменов придает тому, что после указанного сражения (об исходе которого Емануель доносил военному министру Чернышеву: «Фермопилы Северного Кавказа взяты... и оплот карачаевцев у подошвы Эльбруса... разрушен») карачаевцы обязались не принимать никаких враждебных России лиц; вернуть русским пленных и скот; в залог своей верности дать аманатов из четырех знатных фамилий; задерживать враждебные России черкесские и иные войска, а если они не в состоянии будут это сделать, то сообщить русскому командованию о таких передвижениях. «В результате этих событий, — пишет С. А. Чекменов, — Карачай был окончательно присоединен к России»⁸.

⁴ Е. П. Алексеева, И. Х. Калмыков, В. П. Невская. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск. 1957, стр. 13.

⁵ Там же, стр. 14, 15.

⁶ Там же, стр. 15.

⁷ «Очерки истории Карачаево-Черкесии». Черкесск. 1967.

⁸ Там же, стр. 288, 289.

Что касается Черкесии, то дата ее присоединения отнесена к еще более позднему времени — 1864 году. В «Очерках истории Карачаево-Черкесии» присоединение Черкесии даже не рассматривается как самостоятельная проблема: в главе «Включение Карачая и Черкесии в состав России» освещается не этот вопрос, а главным образом военно-колониаторская политика царизма и борьба горцев против этой политики. Лишь в конце главы указывается: «В 1864 г. Кавказская война завершилась окончательным присоединением северо-западной части Кавказа к России и утверждением ее власти на значительной территории Черноморского побережья»⁹.

Таким образом, в литературе встречаются следующие даты присоединения к России Карачая — 1557, 1828; Черкесии — 1557, 1829, 1864 годы.

Не менее противоречивы взгляды исследователей и по вопросу о времени присоединения Кабарды и Балкарии. Еще сравнительно недавно историки Кабардино-Балкарии писали, что кабардинский народ вошел в состав России в 1774 году. При этом имелось в виду, что в 1772 г. между Россией и Крымским ханством был заключен договор, по которому хан признавал: «Большая же и Малая Кабарды состоят в подданстве Российской империи» (статья 3). Данное положение окончательно закреплялось Кучук-Кайнарджийским договором 1774 г., заключенным между Россией и Турцией. В 21-й статье этого договора, в частности, отмечалось: «Обе Кабарды, то есть Большая и Малая, по соседству с татарами большую связь имеют с ханами крымскими, для чего принадлежность их императорскому Российскому двору должна предоставлена быть на волю хана крымского с советом его и старшинами татарскими»¹⁰. Рассматривая указанную статью и дополняющий ее договор с крымским ханом 1772 г. как акты, решившие политический статус Кабарды, Г. А. Кокиев полагал, что «по Кучук-Кайнарджийскому мирному трактату 1774 года Кабарда была присоединена к России»¹¹.

Однако позднее Г. А. Кокиев, обратившись к изучению истории русско-кабардинских отношений XVI в., которым он посвятил специальную работу¹², изменил свою точку зрения. Исследуя дипломатическую деятельность «черкасских» посольств второй половины XVI в., Г. А. Кокиев подчеркивал особо важное значение кабардинского посольства 1588 г., отправленного в Москву в составе князей Мамстрюка, Кудадека и Канбулата к царю Федору Ивановичу, считая, что это посольство и выполнило миссию, связанную с присоединением Кабарды к России. Утверждая так, автор исходил из следующих фактов. В 1588 г. указанное кабардинское посольство поклялось в верности русскому царю: «А хто будет государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русии друг, тот и нам будет друг, а хто будет царю Федору Ивановичу недруг, тот и нам будет недруг». Со своей стороны, русский царь кабардинских князей Мамстрюка, Кудадека и Канбулата и «всех черкасских князей и всею черкасскую кабардинскую землю пожаловал по тому же, как их пожаловал отец его Иван Васильевич всей Руси и грамоту им свою государеву з золотою печатью дати велел». Кроме того, царь заявил: «И мы великий государь, царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии, выслушав вашего челобитья... всее вашу Черкасскую землю кабардинскую... взяли в свое царское жалование под свою царскую руку и хотим вас держать всее Черкасскую землю под своею царскою крепкою рукою в службе и во обороне и защищати вас хотим ото всяких ваших недру-

⁹ Там же, стр. 300.

¹⁰ Е. И. Дружинин а. Кучук-Кайнарджийский мир. М. 1955, стр. 286.

¹¹ Г. А. Кокиев. Из истории сношений России с Кавказом. Нальчик. 1946, стр. 79.

¹² Г. А. Кокиев. Русско-кабардинские отношения в XVI веке. «Ученые записки» Кабардинского научно-исследовательского института. Т. IV. Нальчик, 1948.

гов»¹³. На основании этих данных Г. А. Кокиев сделал вывод: «Возникшие в середине XVI века русско-кабардинские связи, в ходе исторического развития расширяясь и углубляясь, привели Кабарду в 1588 году к подданству Московскому царю Федору Ивановичу. С этого времени Кабарда фактически становится вотчиной Московского государства, а Федор Иванович — царем кабардинской земли»¹⁴. Однако при анализе событий Г. А. Кокиев обошел вниманием содержащиеся в документах посольства 1588 г. и приведенные в его же работе ссылки на дипломатические акты, ранее совершенные между Иваном Грозным, с одной стороны, и кабардинскими князьями — с другой. Между тем, учтя их, исследователь пришел бы к мысли, что при царе Федоре Ивановиче, по существу, были подтверждены лишь те политические отношения, которые сложились между Русским государством и Кабардой еще при Иване IV.

Недооценка Г. А. Кокиевым деятельности кабардинских посольств 1552, 1555 и особенно 1557 гг. была очевидна для последующих исследователей, и поэтому дате — 1588 г. — не суждено было утвердиться в литературе. Не случайно, например, А. С. Кабанов в монографии, вышедшей вслед за работой Г. А. Кокиева, повторил первоначальное положение Г. А. Кокиева о присоединении Кабарды к России в 1774 г. (по Кучук-Кайнарджийскому договору). Правда, в книге указывалось, кроме того, что «окончательное политическое завоевание Кабарды Россией» произошло в 1825 году¹⁵ (в этом году Ермолов подавил в Кабарде восстание, направленное против строительства новой военной линии).

В 1956—1957 гг. в Кабардино-Балкарии был издан ряд сборников, документов¹⁶ и монографий¹⁷, позволивших по-новому поставить некоторые проблемы истории русско-кабардинских отношений. Так, исследование С. К. Бушуева, изучившего дипломатическую деятельность кабардинского посольства Темрюка Идарова и Тазрюта, показало, что Кабарда добровольно вошла в состав Русского централизованного государства в 1557 году. Этот вывод был принят авторским коллективом «История Кабарды», изданной в 1957 г. в Москве. В этой книге, в частности, отмечалось, что «в 1557 году почти все владетельные князья приняли русское подданство. Так произошло присоединение раздробленной Кабарды к России»¹⁸. Идея добровольного присоединения Кабарды к России в 1557 г. получила еще большую аргументацию в специальной работе Т. Х. Кумыкова, который уточнил, что в июле 1557 г. кабардинское посольство было возглавлено Канклыч Кануковым и вело переговоры с русским правительством от имени кабардинского князя Темрюка. О времени и характере включения Кабарды в состав России Т. Х. Кумыков писал: «Таким образом, в 1557 г. Кабарда приняла русское подданство»; «присоединение Кабарды к России было выдающимся событием в истории кабардинского народа»¹⁹. Эта точка зрения особенно популяризировалась в юбилейной литературе, изданной к празднованию 400-летия вхождения Кабарды в состав России. В честь этой даты на главной площади столицы Кабардино-Балкарской АССР — Нальчике — был сооружен монумент.

После этого не может не показаться неожиданным вывод, к которому пришли по вопросу о времени присоединения Кабарды к России

¹³ Там же, стр. 57.

¹⁴ Там же, стр. 63.

¹⁵ А. С. Кабанов. Нальчик — столица Советской Кабарды. Нальчик. 1950, стр. 9.

¹⁶ «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.». Тт. I—II. М. 1957.

¹⁷ С. К. Бушуев. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик. 1956; «История Кабарды с древнейших времен до наших дней». М. 1957; Т. Х. Кумыков. Присоединение Кабарды к России и его прогрессивные последствия. Нальчик. 1957, и др.

¹⁸ «История Кабарды с древнейших времен до наших дней», стр. 38.

¹⁹ Т. Х. Кумыков. Указ. соч., стр. 18—19.

авторы последнего издания «Истории Кабардино-Балкарской АССР». «Нельзя считать,— пишут они,— что процесс присоединения Кабарды к России закончился этим актом (1557 г.— М. Б.). Вассально-подданническая зависимость Кабарды от России еще не означала окончательного включения Кабарды в состав Российской империи»²⁰. Но в книге, к сожалению, нет даты «окончательного включения» Кабарды в состав России, так же, как, впрочем, в ней нет ничего и о присоединении Балкарии к России, кроме упоминания об установлении русско-балкарских связей. О времени присоединения Балкарии более определенно высказался К. Г. Азаматов, который относит это событие к февралю 1827 г., когда генерал Емануэль принял присягу от балкарских таубиев. Тогда же «у балкарцев взяли аманатов: от Балкарского общества — 2, от Урусбиевского, Хуламского и Безенгиевского — по одному. Так произошел,— отмечает К. Г. Азаматов,— акт присоединения Балкарии к России»²¹.

Как видим, в настоящее время историки Кабардино-Балкарии по меньшей мере осторожны в признании 1557 г. как даты окончательного присоединения Кабарды к России, а в отношении Балкарии указывают новую — 1827 год.

В отличие от историков Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, которые дату присоединения смещают с середины XVI и до второй половины XIX в., присоединение Осетии к России рассматривается в более узких хронологических рамках — 70-е годы XVIII в. — 30-е годы XIX века. Однако выводы, связанные с вопросом включения Осетии в состав России, не менее разноречивы.

В первом исследовании, воссоздающем историю осетинского народа, автор его Б. В. Скитский рассматривал присоединение Осетии как одновременное включение отдельных ее районов в состав Российской империи. Он указывал следующие даты «подчинения», «подданства» отдельных феодально раздробленных осетинских обществ: 1815 г. (Алагирское общество «вступило в подданство России»); 1827 г. (Дигорское общество: дигорские старшины «принесли присягу на верноподданство царскому правительству»); 1830 г. (подчинение Тагаурского и Куртатинского обществ в результате военных действий карательной экспедиции генерала Абхазова)²². Другой автор, М. С. Тотоев, почти в то же время писал об «окончательном завоевании Осетии» Россией в 1830 году²³. К его мнению присоединился и А. Г. Джанаев²⁴. Большинство других историков также склонно было связывать присоединение Осетии с событиями 1830 г. — карательными экспедициями генералов Ренненкампа и Абхазова, утвердившими в Осетии военно-колониальную администрацию.

В 1954 г. М. С. Тотоев, вновь вернувшись к изучению темы, изменил, однако, свою прежнюю точку зрения. Он рассмотрел присяги «верности России», принятые осетинским населением в первой четверти XIX в., и пришел к выводу, что «середина второго десятилетия XIX века (1815—1816 гг.) есть тот период, когда они, осетинские общества, окончательно и прочно присоединились к России»²⁵. Но и эта дата не

²⁰ «История Кабардино-Балкарской АССР». Т. I. М. 1967, стр. 112.

²¹ К. Г. Азаматов. Социально-экономическое положение и обычное право балкарцев в первой половине XIX века. Нальчик. 1968, стр. 19.

²² Б. В. Скитский. Очерки из истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. Дзауджикау. 1947, стр. 136—139.

²³ М. С. Тотоев. Некоторые вопросы из истории Осетии XIX века. «Известия» Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XIII, вып. I. Дзауджикау. 1948.

²⁴ А. Г. Джанаев. Присоединение Осетии к России и его прогрессивное значение. Баку. 1951 (автореферат).

²⁵ М. С. Тотоев. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе. 1954, стр. 23.

утвердилась в литературе, вскоре от нее отказался и сам М. С. Тотоев²⁶ В дальнейшем на основании поисков новых документов, а также опубликованных исследований²⁷ было установлено, что вопрос о присоединении Осетии к России был решен после заключения Кучук-Кайнарджийского мирного договора, а также русско-осетинских переговоров, состоявшихся в Моздоке в 1774 г.— дата, которая затем вошла в литературу как год включения Осетии в состав России.

Несмотря на это, в статье В. Г. Мачарадзе²⁸, напечатанной в 1966 г., дата — 1774 г.— была названа спорной, а в специальном докладе на юбилейной научной сессии Тбилисского университета автор, повторив основные положения упомянутой статьи, сделал вывод, что Осетия вошла в состав России в конце XVIII — начале XIX века²⁹. В качестве аргумента В. Г. Мачарадзе сослался на найденный им документ — письмо осетинских старшин, представляющее собой один из видов присяги местных жителей русской администрации. Как известно, в истории русско-кавказских отношений среди разнообразных документов присяги встречаются особенно часто. Все они весьма сходны по форме и содержанию и относятся к наиболее политически напряженному на Кавказе периоду — концу XVIII — первой половине XIX в., когда царская администрация, заинтересованная в лояльности местного населения, заставляла его принимать «присяги верности». Часто инициаторами присяг выступали и сами князья, феодалы и даже крестьяне, выдвигавшие перед русским правительством самые различные вопросы — земельный, торговый и т. д. Стремясь найти поддержку у русских властей и добиться решения насущных вопросов, горцы принимали «присяги верности России». Эти присяги до сих пор и вводят в заблуждение некоторых исследователей, склонных рассматривать их как акты присоединения к России. Поскольку в этом отношении ошибка В. Г. Мачарадзе является типичной, остановимся на ней несколько подробнее.

Когда осетинские историки относят дату включения Осетии в состав России к 1774 г., они обычно имеют в виду следующий круг исторических фактов. В 1749 г. из Осетии в Петербург отправилось посольство, которое вело переговоры с русским правительством о присоединении к России. Правительство воздержалось тогда от положительного решения этого вопроса, так как турецкий двор мог усмотреть в этом нарушение Белградского договора, в свое время объявившего Центральный Кавказ нейтральной территорией между Россией и Турцией. Но указанный договор был аннулирован начавшейся в 1768 г. русско-турецкой войной, в планах которой значительное внимание уделялось Осетии. Астраханский губернатор, в частности, имея в виду планы начавшейся войны, писал правительству: «За нужнейшее дело почитаю я... чтобы она (коллегия иностранных дел.— М. Б.) по силе своей возможности при благополучном окончании войны... те места осетинские старалась выговорить в вечное и беспрекословное владение Российское»³⁰. Как известно, война закончилась для России успешно, и в 1774 г. был заключен выгодный для нее Кучук-Кайнарджийский договор. В статьях договора Осетия не упоминалась, тем не менее Коллегия иностранных

²⁶ М. С. Тотоев. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе. 1963 (2-е, переработанное и дополненное издание), стр. 29.

²⁷ «История Северо-Осетинской АССР». М. 1959; М. М. Блиев. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе. 1959; его же. Русско-осетинские отношения (40-е годы XVIII—30-е годы XIX в.). М. 1967 (автореферат).

²⁸ В. Г. Мачарадзе. Из истории русско-осетинских отношений 80—90-х годов XVIII в. «Сообщения» АН Грузинской ССР. № 2. Тбилиси. 1966, стр. 520.

²⁹ «Тезисы докладов объединенной научной сессии исторического факультета Тбилисского государственного университета и кафедр истории педагогических институтов Грузии, посвященной Великой Октябрьской социалистической революции». Тбилиси. 1967, стр. 12.

³⁰ АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/II (1762—1783 гг.), д. 1, л. 728.

дел считала: «Всякие в рассуждении их (осетин.— М. Б.) меры свободны уже от зависимости соглашения с Портою и Крымом»³¹.

В течение августа — октября 1774 г. русская администрация проводила энергичную работу по оформлению политического подданства осетин. Астраханскому губернатору П. Н. Кречетникову, в частности, правительство поручило провести по этому вопросу русско-осетинские переговоры. В соответствии с желанием осетин переговоры состоялись в октябре 1774 г. в крепости Моздок. С русской стороны их вел П. Н. Кречетников, с осетинской — посольство, в которое вошли Андрей Цаликов, Бахтингией Есиев, Беста Себетов, Нафи Сазонов и другие, всего 20 человек. Переговоры завершились успешно. Было достигнуто соглашение, подписанное всеми членами осетинского посольства, согласно которому осетинам, входившим в состав России, разрешалось выселиться на предгорные равнины Северного Кавказа, гарантировалась внешняя безопасность, предоставлялось право «свободного проезда» в пределы русской территории и свободной торговли на русской границе, а посольство, в свою очередь, передавало России «горы в вольное употребление» и «позволяло» из Осетии вывозить полиметаллические руды³². Исходя из результатов переговоров 1774 г., граф Н. Панин, руководитель Коллегии иностранных дел, сообщал князю Г. А. Потемкину о политической «принадлежности осетинцев с их делами к ведомству Астраханскому»³³.

В. Г. Мачарадзе упрекает историков в том, что они «недостаточно еще выявили документы», и, пересматривая дату присоединения Осетии к России, предлагает «новый материал». Весь этот новый материал сводится лишь к одному небольшому письму осетинских старшин Саломона Гуриева, Григория Аршиханова и Петра Шаликова (Цаликова), написанному в декабре 1791 г. на грузинском языке. В нем излагаются обычные просьбы к русскому правительству о переселении на равнину, об охране от внешних врагов, о продаже соли и железа. В преамбуле прошения его автор, грузинский диакон Степан Гавриил, писавший от имени осетинских старшин, касается вкратце и не совсем точно предшествующих русско-осетинских отношений. Однако на основании нескольких строк прошения В. Г. Мачарадзе пытается не только пересмотреть дату присоединения Осетии к России, но и всю историю русско-осетинских отношений, заявляя: «Публикуемый нами грузинский документ не только по-новому освещает историю русско-осетинских отношений 80—90-х годов XVIII века, но и... историю русско-кабардинских и осетино-кабардинских отношений второй половины XVIII века»³⁴. Вряд ли, однако, такое утверждение может быть серьезно принято во внимание, тем более что в распоряжении историков давно имеются и другие аналогичного содержания документы. Например, те же осетинские старшины, подписавшие приведенное В. Г. Мачарадзе прошение, направили идентичное письмо на русском языке Потемкину, причем значительно раньше, в 1782 году³⁵.

Сообщения В. Г. Мачарадзе еще раз наглядно свидетельствуют об ошибочности такого метода, когда исследователи, определяя время присоединения народов Северного Кавказа к России, ссылаются на отдельные документы — прошения, присяги и письма. Подобного рода документы могут быть обнаружены и в будущем. Однако если при их оценке не принимать во внимание всю совокупность уже известных историкам фактов, то это может привести к тому, что будут предложены новые даты присоединения народов Северного Кавказа к России.

³¹ Там же, л. 1408.

³² Там же, лл. 820—821; оп. 128/1 (1775 г.), д. 1, л. 70.

³³ Там же, оп. 128/II (1762—1783 гг.), д. 1, л. 1409.

³⁴ В. Г. Мачарадзе. Из истории русско-осетинских отношений 80—90-х гг. XVIII в., стр. 520.

³⁵ ЦГАДА, ф. Госархив, разр. 23, д. 13, ч. 1, лл. 117—117 об.

Значительно слабее отражены в литературе вопросы присоединения к России Чечни и Ингушетии, но интерес к ним всегда был достаточно велик. Еще в 30-х годах о присоединении Ингушетии к России писал Б. В. Скитский. Это событие он относил к 1770 году³⁶. Автор не приводил своей аргументации, однако нельзя думать, что эта дата была случайной. Известно, что в 1770 г. в Кизляре явилось ингушское посольство в составе 24 старшин во главе с Гарс Чопановым и Сурхай Мирзоевым, которое как «присланные от всего народа» заявило кизлярскому коменданту о решении «поступить в вечное е. и. в. подданство». По просьбе того же посольства в Ингушетию были направлены русские чиновники и духовные лица, чтобы «и тамошний народ склонили в подданство и к присяге привели»³⁷.

Позднее в опубликованных работах по истории русско-чеченских и русско-ингушских связей так же, как и в исследованиях Б. В. Скитского, не ставился специально вопрос о времени присоединения Чечни и Ингушетии к России. По данному вопросу в литературе имеются лишь отдельные высказывания. А. В. Фадеев, изучавший экономическое и культурное влияние России на Чечню и Ингушетию, без ссылки на аргументы отмечал: «Длительный процесс присоединения к России чеченских и ингушских земель был завершён в 1859 году»³⁸. Несколько подробнее пишет по этому вопросу Н. П. Гриценко. Он считает, что «ингушский народ, будучи трудолюбив и покоем», в 1769 г. был «по собственному их желанию принят в Российское подданство», и добавляет, что «Ингушетия официально вошла в состав Российской империи в 1810 году»³⁹ (автор имеет в виду, что в это время во Владикавказе группа ингушских старшин приняла присягу верности русским властям). Н. П. Гриценко называет также две даты присоединения Чечни к России. На основании того, что чеченское посольство в 1780 г. обратилось к русской администрации с просьбой принять чеченцев в Российское подданство, он относит включение Чечни в состав России к 80-м годам XVIII века⁴⁰. Однако в хронологической таблице своей книги в качестве даты присоединения Чечни к России автор указывает 1859 год. В «Очерках истории Чечено-Ингушской АССР» (1967 г.) официальными датами присоединения Ингушетии и Чечни признаны 1810 и 1859 гг. (для Ингушетии — принятие во Владикавказе ингушскими старшинами уже упомянутой присяги, а для Чечни — окончание Кавказской войны на Восточном Кавказе)⁴¹.

Подводя итог обзору исторической литературы, мы должны отметить следующее. В целом по проблеме присоединения народов Северного Кавказа, как определенного региона, к России все еще нет обобщающих исследований, которые раскрывали бы ее основные аспекты. Имеющиеся конкретно-исторические труды посвящены частным, локальным темам — присоединению лишь отдельных районов Северного Кавказа. Взгляды авторов этих работ относительно времени присоединения народов Северного Кавказа к России весьма противоречивы. Причем, меняя свою точку зрения, исследователи часто не объясняют ни причин отказа от ранее признанной даты, ни мотивировки в пользу новой.

Достаточно четко наметились два разных подхода к проблеме:

³⁶ Б. В. Скитский. Назрановское возмущение 1858 года. Владикавказ. 1930, стр. 1—2.

³⁷ АВПР, ф. Осетинские дела, оп. 128/II (1762—1783 гг.), д. 1, лл. 1219, 1223; см. также лл. 1226—1227.

³⁸ А. В. Фадеев. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России. «Известия» Чечено-Ингушского института истории, языка и литературы. Т. II, вып. I. Грозный. 1960, стр. 3.

³⁹ Н. П. Гриценко. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII — первой половине XIX в. Грозный. 1961, стр. 29.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР». Т. I. Грозный. 1967, стр. 78.

исследователи рассматривают присоединение либо как результат мирных переговоров, происходивших между Россией и посольствами горских народов⁴², либо — и это особенно часто — считают его следствием Кавказской войны и утверждения на Кавказе царского административного аппарата⁴³. Каждый из этих подходов зависит от той концепции, которой придерживаются исследователи в проблеме русско-кавказских отношений в целом. Эта зависимость — наиболее важная сторона нашей темы, поэтому остановимся на ней более подробно и рассмотрим вместе с тем возможные пути, которые помогли бы устранить, на наш взгляд, в будущем столь противоречивые суждения.

История взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией начиная с середины XVI в. (установления русско-кавказских связей) и до 60-х годов XIX в. (окончания Кавказской войны) — процесс, безусловный, многообразный и весьма противоречивый. Но дореволюционной и особенно советской исторической наукой накоплен обширный фактический материал, достаточно полно раскрывающий основные стороны этого процесса. Можно утверждать, что современное состояние кавказоведения позволяет подвести некоторые итоги большой исследовательской работы и сделать новые обобщения по наиболее важным аспектам проблемы русско-кавказских отношений.

Нам представляется, что одним из таких итогов должна быть периодизация этих отношений — периодизация, которая дала бы возможность рассмотреть историю взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией дифференцированно, по отдельным периодам ее развития, и, что особенно важно, позволила бы проследить сложную эволюцию этих взаимоотношений и глубже понять сущность событий. Поскольку периодизация любого сколько-нибудь значительного исторического явления — задача сложная, то само собой понятно, что научная периодизация русско-кавказских отношений потребует специальных работ и совместных усилий историков и, возможно, явится предметом особого обсуждения. Поэтому, не предлагая здесь системы периодизации и не определяя ее основных критериев, мы, однако, представляем себе такую схему периодизации, которая в истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией предусматривала бы два основных этапа: 1. Установление русско-кавказских связей и присоединение народов Кавказа к России. 2. Утверждение на Кавказе царского военно-административного аппарата, превращавшего этот регион в колонию России, и развертывание освободительной борьбы горцев, направленной в первую очередь против насаждения колониально-крепостнических порядков. Исторические факты достаточно ясно свидетельствуют, что в своих отношениях с Россией все народы Северного Кавказа прошли именно таких два этапа. Конечно, это не означает, что все горские народы пережили указанные этапы в одно и то же время. Адыгские народы — кабардинцы, адыгейцы и черкесы, а также карачаевцы и балкарцы — раньше других народов Северного Кавказа установили контакты с Россией: с середины XVI века. Вхождение их в состав России следует рассматривать в тесной связи с процессом образования Рус-

⁴² При таком подходе к вопросу временем вхождения в состав России Кабарды и народов Северо-Западного Кавказа считается вторая половина XVI в., Осетии, Чечни и Ингушетии — 70—80-е годы XVIII века.

⁴³ Сторонники такой точки зрения относят присоединение народов Северного Кавказа к России к периоду с конца первой трети и до начала 60-х годов XIX в., то есть «укладывают» его в основные хронологические рамки Кавказской войны. В настоящее время наметилась группа кавказоведов (Е. Н. Кушева, В. П. Невская, Т. Х. Кумыков), которые придерживаются мнения, что установлению колониального режима на Кавказе предшествовало добровольное присоединение горцев к России, имевшее важное значение как для укрепления русского многонационального государства, так и для защиты горцев от внешних врагов, а также их более быстрого экономического, социального и культурного развития.

ского многонационального централизованного государства. Для перечисленных народов начало и развитие процесса включения их в состав Русского централизованного государства, на наш взгляд, относится ко второй половине XVI в., «когда шла ожесточенная борьба за овладение Кавказом между двумя военно-феодальными государствами Востока — Османской империей и сефевидским Ираном, и когда установление политических и экономических связей народов Кавказа с Русским государством определило их дальнейшую судьбу»⁴⁴.

К более позднему периоду относятся русско-осетинские связи (40-е годы XVIII века). Тем не менее и осетины, как и адыгские народы, в сношениях с Россией прошли два исторических этапа — мирного развития русско-осетинских отношений, завершившегося в 1774 г. добровольным присоединением основной части Осетии к России, и утверждения здесь в первой трети XIX в. колониальной администрации. Аналогично складывались русско-ингушские и русско-чеченские отношения, с той лишь разницей, что в Чечне, вовлеченной в Кавказскую войну, позже, чем в Ингушетии и Осетии, были установлены царская военная и гражданская администрация, русское судопроизводство и т. д.

Несмотря на эти и ряд других различий, имевших место в отношениях каждого народа Северного Кавказа с Россией, характерным все же было то, что на первом этапе мирные связи с Россией завершались политическим присоединением к ней горских народов. Поскольку в присоединении были заинтересованы обе стороны, оно происходило путем мирных переговоров. Перед лицом внешней опасности присоединение совершалось, как правило, по ходатайству представителей кавказских народов.

Включение народов Северного Кавказа в состав России не сопровождалось немедленным установлением у них царского административного аппарата. В этом отношении присоединение народов Северного Кавказа во многом напоминает процесс образования Русского централизованного государства. Как известно, даже русские земли, присоединявшиеся к Московскому государству, вначале продолжали сохранять свою самостоятельность, а если и подчинялись центральному государственному аппарату, то в весьма слабой мере. «Глава русских республик» — Новгород окончательно лишился самоуправления лишь после известного погрома 1570 года. Тем не менее вряд ли кто усомнится в том, что задолго до этого, в 1478 г., Новгород был уже присоединен к Московскому государству. Но именно такое присоединение народов Северного Кавказа к России, «присоединение без царской администрации», и дает повод некоторым исследователям рассматривать его как «предварительное», «непрочное» или просто как «верноподданническую зависимость». Только наличие самодержавного административного аппарата, а иногда и превращение отдельных районов Северного Кавказа в колонии России, по их мнению, является основным условием «присоединения к России» или «окончательного присоединения». При таком подходе к проблеме, с одной стороны, недооценивается довольно длительный период развития русско-кавказских отношений, предшествовавший утверждению у горцев царского военно-феодального аппарата, а с другой — не учитываются те объективные факторы (внешняя опасность, экономические и культурные связи), которые, по существу, и приводили горские народы к политическому объединению с Россией.

Одной из особенностей первого этапа русско-кавказских отношений, по-видимому, является то, что присоединение народов Северного Кавказа к России вызвало острую военно-политическую борьбу между Турцией, Ираном, Крымом и Россией. В этой борьбе активное участие

⁴⁴ См. Е. Н. Кушев а. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М. 1963, стр. 3.

принимали горские князья, политическая ориентация которых часто менялась. Последнее обстоятельство оказывает влияние на исследователей. Так, Т. Х. Кумыков, в общем-то признающий 1557 год той датой, когда «Кабарда приняла русское подданство», подчеркивает, что «это не означает, что в дальнейшем развитии Кабарды не было случаев, когда отдельные ее княжества отходили от России и принимали подданство Крымского ханства»⁴⁵. На этом основании он делает вывод, что «вассально-подданническая зависимость Кабарды от России еще не означала окончательного включения Кабарды в состав Российской империи»⁴⁶. Однако возникает вопрос: разве мы не видим подобной картины после присоединения к Московскому государству в том же Новгороде, где сепаратистски настроенные бояре делали попытки отдать Новгород польско-литовскому королю и магистру ордена немецких рыцарей в компенсацию за сохранение собственного господства?

Нам представляется, что при решении вопроса о времени присоединения народов Северо-Западного Кавказа к России следует исходить не из того, когда здесь утвердилась царская администрация, и не из сепаратистских действий отдельных горских князей, а из тех главных факторов, которые составляли характер взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией. В XVI в. для кабардинцев, карачаевцев, черкесов, адыгов таким главным фактором, решившим историческую перспективу этих народов, была вызванная внешней опасностью политическая ориентация на Россию. Это и обусловило политическое присоединение данных народов к России, в результате чего они оказались вовлеченными в процесс образования русского многонационального государства. Стремление избежать внешней опасности и установить торгово-экономические связи явилось основанием для присоединения к России народов Центрального и Северо-Восточного Кавказа (Осетии, Ингушетии и Чечни) в 70—80-х годах XVIII века. Присоединением в 1813 г. Дагестана, по существу, закончился первый этап в истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией.

Общей особенностью второго этапа следует считать то, что царское правительство повсеместно приступило к установлению своего военно-административного аппарата на Северном Кавказе, к превращению с применением вооруженной силы ранее присоединившихся районов в колонии. Этот этап существенно отличался от первого. Если на первом этапе царское правительство, оказывая военную поддержку присоединившимся народам Кавказа, по существу, активно не вмешивалось в их жизнь, то теперь оно стало вводить их (как и народы других окраин) в русло общероссийского развития. Активизация политики царского правительства на окраинах была связана с необходимостью развивать феодальные отношения вширь и обеспечить отечественную промышленность новыми рынками сбыта и источниками сырья. Проведение такой политики на Кавказе вызывалось еще и тем, что, несмотря на большое военно-стратегическое значение этого района, Россия практически не могла его использовать вплоть до второй половины XIX века. Даже во время Крымской войны 1853—1856 гг. русские войска были лишены возможности беспрепятственного прохода через Кавказ.

Второй этап присоединения народов Северного Кавказа к России сложнее и противоречивее первого. Наряду с тем, что в этот период начали сказываться благоприятные экономические и культурные последствия присоединения, утверждение царизма на Кавказе осуществлялось крайне жестокими методами. Последнее вызвало сопротивление местного населения, вылившееся в широкую волну антифеодального протеста. Следует отметить, что это движение не было однород-

⁴⁵ Т. Х. Кумыков. Указ. соч., стр. 18—19.

⁴⁶ «История Кабардино-Балкарской АССР». Т. I, стр. 112.

ным: наряду с освободительными тенденциями в нем нашли отражение религиозный фанатизм и национальная рознь. Поскольку многие исследователи связывают присоединение Северного Кавказа к России именно со вторым этапом (и это наблюдается особенно в последнее время), представляется целесообразным еще раз обратить внимание на некоторые факты, наиболее полно раскрывающие методы, к которым прибегало царское правительство в данный период.

Как известно, начало планомерного утверждения колониальной администрации на Кавказе относится к концу первой четверти XIX века. Идея установления колониального режима на Северном Кавказе впервые нашла наиболее четкое выражение в плане, разработанном в 1826 г. А. П. Ермоловым⁴⁷. Царскому правительству не удалось тогда приступить к осуществлению этого плана, так как в том же году Россия начала войну с Ираном, а затем и с Турцией. Закончив эти войны и укрепившись в Закавказье, царизм получил возможность вернуться к осуществлению давно намеченной цели.

Или полная покорность горцев, или их физическое истребление — такова была альтернатива кавказской политики царизма после русско-турецкой войны 1828—1829 годов. Именно так и формулировал свою политику Николай I в письме к наместнику Кавказа И. Ф. Паскевичу. Поздравляя его с окончанием русско-турецкой войны, он писал: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»⁴⁸. По мнению правительства Николая I, необходимо было покорить горцев, подчинив их полному административно-политическому контролю царских властей. «По благополучном окончании в 1829 году войны противу турок,— писал генерал-адъютант А. И. Нейдгардт,— государь император... высочайше повелеть соизволил главнокомандующему... графу Паскевичу Эриванскому воспользоваться сими обстоятельствами, чтобы произвести одновременный поиск противу всех горских народов, завладеть важнейшими пунктами их земель, а в особенности низменностями оных и таким образом, лишив горцев средства пропитания, принудить их к покорности»⁴⁹.

В соответствии с указаниями императора, в 1829 г. царские власти на Кавказе приступили к разработке широкого плана «покорения горцев». В короткое время такой план был представлен графом Паскевичем на рассмотрение царя. Планом предусматривалась серия военно-политических экспедиций. Предполагалось покорить горцев в три этапа: вначале осуществить военную экспедицию против лезгин и чеченцев в восточной части Кавказа; затем направить экспедицию вдоль Абхазского берега к Анапе; завершающий этап включал карательные действия против ингушей, осетин, кабардинцев и «закубанских горцев»⁵⁰. Все эти экспедиции Паскевич намерен был провести в течение 1830 г.: первая экспедиция намечалась на февраль, вторая — на апрель и третья — на июль. Николай I одобрил представленный ему план. Он предложил лишь наместнику объединить две последние экспедиции и осуществить их одновременно, «дабы сколь можно повсеместным и единовременным нападением на непокорные племена горцев понудить их к постоянному повиновению»⁵¹.

Как и намечалось, в феврале 1830 г. была предпринята военная экспедиция в Джарскую и Белоканскую области. Она завершилась для царизма успешно: джарцы и белоканы были полностью покорены цар-

⁴⁷ ЦГВИА, ф. 404, д. 301, лл. 1—93.

⁴⁸ А. Ф. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М. 1960, стр. 340.

⁴⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6245, л. 2.

⁵⁰ Там же, л. 3.

⁵¹ Там же, л. 4.

скими войсками. Но пока Паскевич был занят этой экспедицией, обстановка на Кавказе накалилась. В Дагестане приняло широкий размах мюридское движение во главе с Гази-Мухамедом, известным в русских источниках под именем Казы-Муллы. Под влиянием этого движения в волнение пришла и вся Чечня. Абхазия, которая раньше оставалась довольно спокойной, также приготовилась к сопротивлению и собрала до 3 тыс. вооруженных горцев⁵². Заволновались и «закубанские горцы», среди которых развернул антирусскую агитацию турецкий паша Сеид Ахмед. Эти обстоятельства, а также то, что возвращение войск с турецкого фронта задерживалось, вынудили Паскевича пересмотреть прежний план и предложить императору новый. На этот раз наместник отказался от больших экспедиционных маршей в крупные районы Кавказа. Он наметил серию более мелких карательных экспедиций. Так, Паскевич планировал отдельную экспедицию против кайсубулинцев, другая должна была проследовать со стороны Дербента до границ Аварии, третья намечалась против осетин и ингушей (начать эту экспедицию предполагалось со стороны Военно-Грузинской дороги), четвертая направлялась в Южную Осетию, пятая — в Абхазию. Согласно плану, все эти карательные экспедиции осуществлялись до августа 1830 г. — до возвращения пехотной дивизии с турецкого фронта. В августе Паскевич собирался приступить к основной, наиболее сложной военной операции — покорению Чечни.

В общем плане покорения горцев Паскевич особое место отводил Осетии. Здесь ему предстояло решить две задачи. Во-первых, установить в Осетии колониальный режим со всеми его институтами — администрацией, судопроизводством, налоговой системой и т. д. Это была общая цель, сходная с той, которая ставилась в отношении других горских народов. Во-вторых, укрепить позиции царизма в важном военно-стратегическом районе. Полный контроль над Осетией и ее дорогами Паскевич рассматривал как необходимое условие для дальнейшего выполнения плана покорения горцев⁵³. 8 мая 1830 г. Паскевич доложил императору о своем намерении направить карательные экспедиции в Осетию⁵⁴. Николай I одобрил решение наместника и представленный им план военных действий в Южной и Северной Осетии. Получив санкцию царя, Паскевич приступил к осуществлению своего плана.

Направляя военные экспедиции против горцев, царская администрация на Кавказе дедала вид, что они вызваны «поведением» горских народов и имеют целью покончить с «хищничеством и грабежами», которыми якобы занималось местное население. Особенно несостоятельными были такие обвинения в отношении осетин, так как с момента вступления Ермолова на пост наместника Кавказа (1816 г.) и до 1830 г. в Осетии не было ни одного сколько-нибудь серьезного конфликта между русской администрацией и осетинским населением, если не считать борьбу южноосетинских крестьян против грузинских помещиков и экспедиций Ермолова, организованных для защиты интересов последних. Здесь социальные верхи всячески стремились войти в союз с царской администрацией; основная часть осетинских феодалов находилась в тесном контакте с царизмом. Что касается крестьянства, то тяжелое экономическое положение, эпидемии, поставившие народ на грань катастрофы, и карательные экспедиции, вконец разорившие его, не давали возможности крестьянам подняться на вооруженное восстание против царских властей. Дореволюционный автор Служивый справедливо отмечал: «Что же касается Осетии и Кабарды, то усиление крепости Владикавказ, постройка крепости Налчик и возведение укреплений по притокам верх-

⁵² Там же, л. 5.

⁵³ Там же, д. 6239, лл. 3—4.

⁵⁴ «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею». Т. VII. Тифлис. 1878, стр. 553.

него Терека обеспечили здесь спокойствие не только в ермоловское время, но и в течение всей Кавказской войны»⁵⁵. Кроме того, представители Осетии, получив известия о предполагаемых военных экспедициях против горцев, неоднократно вели переговоры с официальными властями и делали все для того, чтобы предотвратить карательные действия царских войск⁵⁶. Тем не менее самодержавное правительство направило в Осетию в 1830 г. две экспедиции, которые подвергли местное население жестокому разорению и военной силой утвердили колониальную администрацию в этом районе. Конечно, не все то, что предусматривалось планом Паскевича и Николая I, было осуществлено в 30-х годах. Как известно, Кавказская война затянулась и закончилась лишь в 60-х годах. В результате этой войны на Северном Кавказе установилась колониальная форма административного управления, завершившая второй этап русско-кавказских отношений.

Между намеченными нами двумя этапами — присоединением горских народов к России и подчинением их колониальному режиму, — к сожалению, в настоящее время нет четкого разграничения. В результате два, по существу, различных процесса рассматриваются как явления одного и того же политического содержания. Именно такое смешение разных исторических событий и служит одной из основных причин, вызывающих различные мнения по вопросу о времени присоединения народов Северного Кавказа к России. Следствием этого прежде всего является то, что исследователи, не признающие самостоятельный характер процесса политического присоединения горцев к России и связывающие его с установлением колониального режима, оказываются перед рядом неразрешимых противоречий. В частности, возникает вопрос: являлось ли присоединение горцев к России результатом завоевания или, учитывая, что на протяжении длительного времени горцы обращались к русскому правительству с просьбой о включении их в состав России, оно носило добровольный характер? Если утверждать, что присоединение Северного Кавказа было актом добровольным, но относить это событие к периоду Кавказской войны, то, естественно, встает другой вопрос: как объяснить тогда самую эту войну?

Не менее важно и другое обстоятельство: смещение исторических рамок присоединения горцев к России так или иначе принижает значение этого события в истории народов Северного Кавказа и создает определенные трудности в его оценке. Одно дело, когда кавказоведы, отмечая дипломатическую деятельность кабардинских и «черкасских посольств», пишут о добровольном вхождении адыгских народов в состав России в XVI в. и другое — когда присоединение к России связывается с карательными мерами первой половины XIX века. Такое положение, очевидно, вынуждает исследователей часто прибегать к стереотипной формуле: «несмотря на жестокость царизма, все же (?) присоединение к России было прогрессивным явлением» — формуле, примелькавшейся в книгах и статьях, посвященных этому вопросу.

Таким образом, отсутствие научной периодизации истории русско-кавказских отношений, намечающей четкую грань между актом присоединения горцев к России и установлением колониального режима на Кавказе, обуславливает серьезные ошибки в освещении истории народов Северного Кавказа.

⁵⁵ Служивый. Очерки покорения Кавказа. СПб. 1901, стр. 32—33.

⁵⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6239, ч. 4, л. 12; д. 6238, лл. 1—25.